

М. С. КОЗЛОВА

Бертран Рассел

Путь к философии

Бертран Рассел (1872–1970) — всемирно известный английский ученый, философ, общественный деятель. В шестнадцать лет он прочитал «Автобиографию» своего крестного отца Джона Стюарта Милля (1806–1873), произведшую на него большое впечатление. Перу Милля принадлежал и первый теоретический труд по философии, с которым юноша познакомился два года спустя. Эта работа («Система логики») определила заметное влияние Милля и Д. Юма, чьи мысли развивал Милль, на будущие философские воззрения Рассела.

В творчестве Рассела различимы три периода. Первый, отдаленный освоению математики и философии, длился — вместе с учебой — около десяти лет (1890–1900). Следующий, наиболее плодотворный (1900–1920), был посвящен логическому исследованию основ математики. В это время Рассел написал книгу «Принципы математики» (1903), статью «Об обозначении» (1905) и, в соавторстве с А. Н. Уайтхедом, — фундаментальный труд «Начала математики». Последняя работа, завершенная к 1913 г., принесла авторам мировую известность. Тогда же сорокалетний Рассел вступает в свой третий период, основным содержанием которого стала разработка широкого круга философских вопросов и публикация популярных работ, которые сам Рассел ценил гораздо больше, чем изыскания для узкого круга специалистов.

Прожив почти сто лет, Рассел создал множество трудов, охватывающих теорию познания и историю философии, проблемы религии и морали, педагогики и политики. Он весьма полно осветил и критически проанализировал собственное творчество и эволюцию взглядов в своей «Автобиографии», статье «Мое интеллектуальное развитие» и книге «Мое философское развитие». Общефилософские рассуждения автора порою были эклектичны, он часто подпадал под

разные влияния и вырабатывал взаиморазличающиеся концепции. Наиболее серьезные и устойчивые его философские интересы были связаны с *чистой математикой* и *символической логикой*. В эти области знания он внес фундаментальный вклад, определивший развитие *аналитической философии*. Творчество Рассела ясно показывает: к философии вообще и аналитической философии в частности его привели занятия математикой. Об этом свидетельствует и его биография.

Б. Рассел принадлежал к аристократическому роду, история которого тесно переплетена с историей Англии. Рано лишившись родителей, Берти воспитывался и получил прекрасное домашнее образование в семье деда — лорда Джона, видного государственного деятеля эпохи королевы Виктории. Его бабушка, пуританка, прививала внуку спартанский дух, строгую самодисциплину, чувство общественного долга и любовь к Богу. В одиннадцать лет, когда старший брат стал заниматься с ним «Началами» Евклида, Рассел приходит к мысли: природа управляется математическими законами, мир прост и понятен, в его основе лежит математическая гармония, познание мира бесконечно, как бесконечен ряд натуральных чисел. «Начала» Евклида, рожденная ими вера в основополагающее значение математики для познания мира стали отправным пунктом всех важнейших изысканий и философских размышлений Рассела. Он полюбил математику не просто как науку: она представлялась ему (об этом он написал в дневнике) и вселенской силой, подобной спинозовскому богу.

В 1890 г. Рассел поступает на математический факультет в Кембридже. Здесь в студенческие и последующие годы он уделяет большое внимание философии, к которой испытывал живой интерес.

Его ранним умонастроением был эмпиризм. Но на четвертом году обучения, в пору временного охлаждения интереса к математике, Рассел подпал под влияние дотоле ему неизвестной «экзотической» философии неогегельянства. По собственному признанию, его грубый эмпиризм не устоял перед философской изощренностью неогегельянства, и, изучая немецкий идеализм, он стал полукантланцем-полугегельянцем. Умонастроения тех лет определили характер ранних работ Рассела по философии математики («Основания геометрии Евклида», «Отношение числа и количества»). Первая написана с позиций Канта, вторая навеяна философией Гегеля. Вдохновленный гегелевскими идеями, Рассел собирался приступить к написанию ряда книг по философии естествознания и социальных наук, вынашивал грандиозный замысел теоретического и практического синтеза обеих ветвей знания. Однако выстроенная им схема метафизики подверглась беспощадной критике со стороны А. Н. Уайт-

хеда и других специалистов, и он отказался от своего плана. Несостоятельными оказались и его результаты в области геометрии. О своих работах по философии математики и физики, выполненных до 1898 г., Рассел впоследствии отзывался резко отрицательно. Убедившись на собственном опыте в бесплодности философских спекуляций применительно к современной науке, Рассел выступил с их решительной критикой. Это привело к радикальной философской переориентации: вслед за Джорджем Муром он совершает поворот от «абсолютного идеализма» к «реализму» и эмпиризму.

Преодоление гегельянства

В 1897–1898 гг. Рассел отходит от гегельянства. В этом ему помогают аргументы против идеализма, к тому времени уже проработанные Муром. Опираясь на его опыт, Рассел практикует анализ чувственно данного с позиций реализма и развивает критику субъективного идеализма.

Продвигаясь в этом направлении, он приходит к теории реальности, утверждавшей принципиальное различие (дуализм) материи и сознания, единичного и общего (универсалий). Несмотря на некоторые изменения этой концепции в будущем, он останется в принципе верен ей на протяжении всех последующих лет работы.

Переломным в своей философской эволюции Рассел считал 1898 год, когда он, по его словам, вместе с Муром поднял бунт против Канта и Гегеля* <...> К критике гегельянства его подтолкнуло изучение философии Лейбница. В ходе работы Расселу открылось: великий немецкий мыслитель развенчал догму, будто «всякое отношение коренится в природе соотносимых предметов» и потому мир пронизан внутренними отношениями. Это позволило уяснить бесосновательность аргумента о нереальности внешних отношений. Мысли Лейбница помогли Расселу понять несостоятельность гегельянской концепции отношений, преодолеть, может быть, самый серьезный «барьер» на пути от философии синтеза к философии анализа. Доктрине абсолютного идеализма и монизма были противопоставлены философский реализм и плюрализм. Работы Лейбница во многом подсказали Расселу и идею метода анализа в философии, суть которой заключалась в разложении сложных форм знания на простые и выявлении таким путем «истинной схемы знания», представляющей «подлинную структуру мира». Основные идеи аналитического метода содержались уже в книге Рассела «Критическое изложение философии Лейбница» (1900). С расселовской критики

* Опущены некоторые отступления, прямо не относящиеся к Расселу. — *Прим. науч. ред.*

концепции внутренних отношений (Брэдли), а также с аргументов Рассела и Мура в пользу внешних отношений, берет начало «кембриджский анализ» XX в. и аналитическая философия в целом. Чувство освобождения от пут гегельянства Рассел сравнивал с выходом из душного помещения на свежий воздух. Умудренный опытом, он вновь возвращается к настроениям английского эмпиризма и атомизма (или элементаризма), к способу мышления, при котором сложное, чтобы быть понятным, делится на простые элементы, а затем вновь воссоздается из этих элементов. Это повторное, уже не наивное, а выстраданное принятие юмовско-миллевских взглядов на природу познания Рассел считал решающим пунктом своего философского развития.

Общефилософские позиции

При всех изменениях его интересов и разных влияниях, которые он испытывал, неизменно устойчивым оставалось пристальное внимание Рассела к изучению природы познания. Это не означало, будто философская проблематика сужалась до теории познания: вопрос, «что собою представляет мир, в котором мы живем», рассматривался как более важный. Но ответить на этот вопрос было невозможно, не поняв, могут ли человеческие существа что-либо знать, и если могут, то что и как. Следуя традиции Юма и Канта, Рассел различает два принципиально разных подхода к познанию: натуралистический, опирающийся на здравый смысл, и значительно более глубокий — философский, основанный на критическом отношении к результатам познания. Характерная черта первого — наивный реализм, уверенность в том, что вещи таковы, какими они воспринимаются. Такой взгляд, присущий обыденному, донаучному сознанию, часто в тех или иных вариантах привносится и в науку. При этом упускается из вида проблема обоснования знания: она тут просто не возникает. Как это обычно бывает в философии, первая трудность, отмечал Рассел, заключается в том, чтобы понять, что проблема трудна. В ходе философского исследования осознается, что на месте как будто бы очевидного простого на самом деле существуют сложные структуры, возникает сомнение в достоверности «простых» ситуаций, прежде казавшихся несомненными. В результате на смену твердой уверенности приходит методическая осторожность. Зрелое научное познание (а таковым для Рассела и большинства философов науки вообще, как правило, выступали физика и математика) признает наличие значительной дистанции между знанием и его объектом, учитывает сложность способов воссоздания объектов в ходе научного исследования.

Поиск «твердой основы» для анализа нашего знания Рассел начинается с исследования непосредственного чувственного опыта, или восприятия. Он предпринимает попытку «сконструировать» (воссоздать в познании) весь внешний мир из чувственно данного состава человеческого опыта и в то же время представить его достаточно объективно. Иными словами, Рассел обращается к задаче, над которой уже ломали голову философы не одного поколения и которая в конце XIX — начале XX в. приобрела особую актуальность в связи с кризисом основ классической физики. Стремление решить именно эту задачу вдохновляло Э. Маха, К. Лирсона и других представителей философии эмпириокритицизма.

Итак, общую философскую основу теории познания Рассела составили представления, к которым он пришел в 1898–1900 гг., отвергнув спекулятивную философию немецкого идеализма — увлечение своих студенческих и нескольких последующих лет. С этого времени устойчивым философским убеждением Рассела становятся традиционные для его родины и развиваемые в современной ему философии науки (Э. Мах и другие) идеи эмпиризма, главным образом в их позитивистском (юмистско-миллевском) варианте. Рассела нередко называли Юмом XX в., и эта ориентация в самом деле была ему наиболее близка. Сам Рассел характеризовал свои позиции как научный здравый смысл. Он исходил из того, что мир в обычном его понимании — это мир людей и вещей, что за горизонтом нашего «малого» мира существует мир «большой» — Вселенная. Ее составляющие — это события, существующие в виде цветных пятен определенного оттенка и формы, осязаемых свойств, звуков определенной высоты, длительности и так далее. Каждый такой элемент называется единичным (*particular*). Считается бесспорным, что нами познана лишь бесконечно малая часть Вселенной, что «прошли бесчисленные века, в течение которых вообще не существовало познания», и, возможно, «вновь наступят бесчисленные века, на протяжении которых не будет никакого познания». Не ставится под сомнение и то, что, говоря о «познании», обычно предполагают различие познающего и познаваемого. Здравый смысл не противопоставляет сколько-нибудь резко науку и обыденное знание, знания и верования, поскольку он признает, что наука в основном говорит истину, к знанию мы движемся через мнение (полагание), различие же того и другого не столь уж принципиально и определяется лишь степенью правдоподобия <...>

Крупнейшие философские работы Рассела по теории познания — «Анализ сознания» (1921) и подытоживший многолетние размышления ученого труд «Человеческое познание, его сфера и границы» (1950). Это добротные, содержательные произведения. Но все же

в своих общеполитических рассуждениях о познании Рассел не оригинален, повторяет хорошо известное из работ Юма, Канта, Милля, Маха и других философов. Что было действительно новым, так это увлекшая его и успешно решенная задача: придать эмпиризму прошлого, как правило опиравшемуся на психологический, эффективный логический аппарат. В идеях и методах успешно развивавшейся в то время математической (или символической) логики он обнаружил мощное подкрепление традиций эмпиризма, номинализма и атомизма в теории познания. Позже, подытоживая достигнутое им в этом направлении, философ отметит: «Современный эмпиризм отличается от эмпиризма Локка, Беркли и Юма внедрением математики и развитием могущественной логической техники»^{*}.

Но подлинным достижением стали новые идеи в области логического анализа знания, оказавшиеся весьма эффективными и для решения задач, традиционно считавшихся философскими. Это привело Рассела к убеждению, что логика, даже в ее современном формализованном виде, глубоко связана с философией. Отличительной чертой аналитической философии стало прежде всего небывалое сближение логики и теории познания. В числе работ Рассела, выполненных в логико-философском ключе, выделяется добротное «Исследование значения и истины» (1940). Здесь для анализа философских проблем познания успешно применяются специальные логические и лингвистические методы <...>

Проблемы оснований математики

Крушение планов всеохватывающего философского синтеза знаний на базе гегельянства побудило Рассела к поиску иного поля приложения сил. На рубеже XIX и XX вв. он обращается к исследованию оснований математики. В процессе обучения в университете математика предстала перед Расселом как набор замысловатых технических приемов, которые нужно усвоить, не требуя их обоснования. Позднее он вспоминал: не зная правильных доказательств фундаментальных теорем для исчисления бесконечно малых, учителя старались убедить его принять на веру формальные трюки математического анализа (дифференциального и интегрального исчисления). Из-за шаткости начал вся математика теряла образ ясной и логичной системы задач и теорем. О серьезных исследованиях начал математики, которые велись на протяжении всего XIX в. и дали впечатляющие результаты, Рассел с опозданием узнал лишь в 1900 г. Труды К. Вейерштрасса и Г. Кантора по теории чисел и теории мно-

^{*} Рассел Б. История западной философии. М., 1959. С. 862.

жеств открыли ему проблематику оснований математики, занимавшую в это время умы ведущих теоретиков. Параллельно с новым погружением в математику он под влиянием Лейбница существенно переосмысливает собственные философские позиции и, наконец, на международном конгрессе по философии, логике и истории науки (Париж, 1900) знакомится с математической логикой. Аналитическая мощь идей и технических приемов новой логики произвела на Рассела большое впечатление. Все это определило его научные интересы на следующее десятилетие.

К концу XIX в. были достигнуты большие успехи в систематизации и строгом обосновании математики, и казалось, что эта трудная работа (длившаяся уже целое столетие) близка к завершению. Математиками владело убеждение, что грандиозное здание математического анализа «приобретает несокрушимую крепость, оказываясь прочно заложенным и строго обоснованным во всех своих частях»^{*}. Но возникло неожиданное препятствие: в самом фундаменте математики выявились логические противоречия. Первый парадокс, относившийся к теории трансфинитных (бесконечных) порядковых чисел, стал достоянием математиков в 1897 г. За этим последовало открытие целого ряда других парадоксов. Под ударом оказалась и логико-математическая система Г. Фреге, в которой было обнаружено противоречие, известное как «парадокс класса классов». Попытки спасти положение не давали результата: как бы в насмешку над математиками обнаруживались все новые и новые парадоксы. Ситуация была обескураживающей. Вот как это выразил крупнейший математик первой половины XX в. Д. Гильберт: «Состояние, в котором мы находимся сейчас в отношении парадоксов, на продолжительное время невыносимо. Подумайте: в математике — этом образце достоверности и истинности — образование понятий и ход умозаключений, как их всякий изучает, преподает и применяет, приводит к нелепости. Где же искать надежность и истинность, если даже само математическое мышление дает осечку?»^{**}. Напрашивался вывод: логика в том интуитивном виде, какой она имела в конце XIX в., не годится в качестве критерия строгости математического доказательства. Кризис оснований математики потребовал тщательного анализа логики рассуждения и логических механизмов действия языка.

У истоков современного логического исследования языка стояли Фреге и Рассел. Именно они поставили вопросы, на которые в последующие десятилетия логиками, лингвистами и философами было направлено так много усилий.

^{*} Вейль Г. О философии математики. М., Л., 1934. С. 16.

^{**} Гильберт Д. Основания геометрии. М., Л., 1948. С. 349.

В 1900 г. Рассел и Уайтхед приступили к исследованию основной математики, которое после десяти лет напряженного труда увенчалась трехтомным сочинением «Начала математики» (*Principia Mathematica*). Авторы стремились осуществить сформулированную Фреге программу логицизма (доказать, что чистая математика есть ветвь логики), исключив, однако, закравшиеся в его труд логические противоречия. Поставленная задача была успешно решена. Для многих проблем обоснования математики, которые прежде исследовались достаточно умозрительно, были найдены строгие решения с помощью-логико-математических методов. Труд «Начала математики» был воспринят современниками как математический, логический и философский триумф. Математические проблемы тесно переплелись в нем с проблемами логики-философскими, решение которых выпало на долю Рассела.

Расселом двигало стремление подвести под математическое знание надежный логический фундамент. Первой попыткой в этом направлении стали «Принципы математики», труд, увидевший свет в 1903 г. Приняв программу логицизма, Рассел проникся убеждением, что ни одно понятие, ни одна аксиома не должны приниматься на веру. Предполагалось, что логика и математика в принципе однородны, что как простейшие законы логики, так и сложные теоремы математики выводимы из небольшого набора элементарных идей, что математика — это по сути та же логика, только более зрелая, развитая. Эта мысль уже была высказана к тому времени Фреге, осуществлявшим анализ арифметики исключительно на базе логических операций. Понятно, что особая ответственность в программе логицизма возлагалась на решение сложных логических проблем, прежде всего устранения парадоксов. Получилось так, что философские взгляды Фреге (платонизм) помешали ему найти выход из кризиса основ математики и реализовать свои блестящие идеи логического анализа языка и развития аналитической философии. Это удалось сделать Расселу, причем во многом благодаря принципиально иной философской платформе, соответствовавшей самой технологии и процедурам логического анализа <...>

Новые идеи логического анализа

Важнейшие логические открытия Рассела — *теория описаний* и *теория логических типов*. Обе они имеют важные философские следствия. Главный предмет теории описаний — обозначающие выражения, обеспечивающие информативность сообщений и связь языка с реальностью. Внимание Рассела привлекли характерные трудности их употребления, порождаемые нашей склонностью

за каждым грамматически правильным обозначающим выражением усматривать соответствующий ему объект. Например, мы говорим: «Я встретил человека», — хотя человека вообще встретить невозможно. Выражение «Нынешний король Франции» как бы указывает на реальное лицо, в то время как такового не существует. Давно известны трудности, таящиеся в обобщающих выражениях: они мыслятся как обозначения неких абстрактных сущностей (универсалий), что ведет к «реализму» платоновского типа*.

Анализ языка выявлял все новые и новые логические головоломки и сопутствующие им философские замешательства, в принципе известные давно и очень характерные для абстрактных уровней рассуждения. Острее всего это проявилось в парадоксах оснований математики, с чем и столкнулся не очень искушенный в философии Рассел. Здравый смысл и уроки философского критицизма подсказывали ему, что реально дело обстоит не так, как порой нам внушает язык.

В связи с обозначающими фразами Рассел выявил и попытался решить три основных затруднения:

(1) Было показано, что в некоторых случаях два выражения А и В, обозначающие один и тот же предмет, не обязательно тождественны и потому не всегда заменимы одно другим без ущерба для истинности исходного предложения. Поясняется это на таком примере. Допустим, что Георг IV поинтересовался: «Является ли Вальтер Скотт автором новеллы “Уэверли”»? А поскольку так оно и есть, то, казалось бы, можно без ущерба для смысла вместо выражения «автор “Уэверли”» подставить «Скотт». Но тогда получится, будто Георг IV пожелал узнать, является ли Скотт Скоттом. А ведь вряд ли можно заподозрить, иронизирует Рассел, что первого джентльмена Европы при этом интересовал закон тождества. Он устанавливает, что выражение «автор “Уэверли”» не тождественно имени «Скотт», хоть и не означает чего-то отличного от Скотта. В противном случае высказывание «Скотт является автором “Уэверли”» было бы ложным, а это не так. Таким образом, как бы «дает сбой» закон тождества.

(2) Было обнаружено также, что в некоторых конкретных случаях не «срабатывает» закон исключенного третьего (одно из двух должно быть истинным — либо «А есть В», либо «А не есть В»). Например, ни один сведущий человек не признает истинным утверждение «Нынешний король Франции лыс»: ведь во Франции сегодня нет короля. Но его нельзя признать и ложным, ибо в таком случае

* Это имело место, в частности, в теории австрийского философа-неореалиста Мейнонга, где «нынешний король Франции», «круглый квадрат» и т. п. рассматривались как подлинные объекты. Такое представление вело к немалым затруднениям, вплоть до нарушения главного логического канона — закона противоречия.

истинным было бы противоположное утверждение: «Нынешний король Франции не лыс». А это тоже не проходит: ведь если перебрать лиц, являющихся лысыми, а затем — не являющихся таковыми, то ни в одном из указанных перечней мы не обнаружим нынешнего короля Франции.

(3) Наконец, было установлено, что небезупречно обстоит дело и с законом противоречия. Так Рассел пришел к выводу: отрицание существования чего-либо всегда самопротиворечиво. В самом деле, если высказывание «А отличается от В» истинно, то между А и В имеется различие. Если же оно ложно, то выходит, что между А и В нет различия, и это можно выразить так «Различия между А и В не существует». Но как несуществующая сущность может быть субъектом высказывания? Ведь утверждая, что нечто не существует, мы приписываем несуществование чему-то, и оказывается, что предметом нашего суждения выступает нечто, а не ничто. Другими словами, утверждения о несуществовании тех или иных предметов сами себе противоречат.

Памятуя рекомендации Лейбница, Рассел — вместо туманных философских рассуждений — разработал и применил к таким проблемам новейший аппарат логического анализа.

Теория описаний

Прежде всего было продолжено начатое Фреге уточнение логического статуса обозначающих выражений, способов их отношения к обозначаемому — поскольку от этого зависит логически корректное понимание смысла высказываний. Рассел обнаружил возможные несоответствия внешней формы обозначающих выражений их реальному статусу в языке. Например, выражение может представляться обозначающим, а на деле принадлежать совсем иному типу и ничего не обозначать. По-разному может осуществляться сама функция обозначения: скажем, в отношении индивидуального предмета (Наполеон, Лондон, Венера) и класса предметов (человек, город, планета). Причем некоторые выражения и в том, и в другом случае могут оказаться псевдообозначающими — относящимися к «нулевым» (пустым) классам предметов. Эти и многие другие различия функций обозначения маскируются, нивелируются обычным языком, не улавливаются логической интуицией человека. Все это не может не влиять на корректность, осмысленность рассуждения, особенно на его сложных отвлеченных уровнях (математика, философия и др.). Таким образом, вместо представления об однотипном отношении знаков к обозначаемому аналитически выявлялось целое семейство разных отношений такого рода.

В основу расселовского анализа обозначающих фраз (теории описаний) легло представление о том, что значение обозначающего выражения можно узнать либо путем прямого знакомства с соответствующим предметом, либо с помощью его описания. Знакомство — непосредственное указание на именуемый предмет, его наглядное, чувственное предъявление. Описание же — словесная характеристика предмета по его признакам. Во избежание путаницы Рассел предложил строго различать *имена* и *описания* как два разных типа отношения знаков к объекту. Кроме того, он отметил, что *описание может быть определенным* — относиться к индивидуальному конкретному предмету («столица Англии» и др.) и *неопределенным* — относящимся к классу предметов. Новым важным уточнением Рассела стало разграничение *собственных имен* и *определенных описаний*, которые Фреге считал однотипными. Было подчеркнуто, что даже определенное (индивидуализированное) описание все же прямо не указывает на соответствующий предмет, поскольку оно берет признак в абстракции от его носителя. В результате можно, например, понимать выражение «человек, открывший эллиптическую форму планетных орбит», но не знать, что этим человеком был Кеплер.

Наконец, и это главное, в теории описаний было предложено новое, проясняющее суть дела *толкование предложений*, включающих в себя обозначающие фразы. Рассел подчеркнул, что обозначающие выражения сами по себе не имеют значения, являются *неполными символами* (относящимися к некоторому x) и потому могут быть осмыслены и выполнять функцию обозначения лишь в составе высказываний. Таким образом, он пришел к выводу, что трудности в понимании обозначающих фраз порождаются неправильным анализом предложений, в состав которых эти фразы входят. Существенную роль в адекватном анализе играет понимание высказывания в целом как переменной, смысл которой зависит от входящих в него выражений. Или, иначе говоря, высказывание толкуется как пропозициональная функция — $f(x)$.

В теории описаний Рассел предложил новый аналитический метод, позволяющий всюду, где это возможно, вместо упоминаний неизвестных объектов подставлять конструкции, основанные на известных объектах. Он стремился расшатать ведущее к идеализму представление, будто все мыслимое соотносено с тем или иным независимым объектом. Существенным результатом теории обозначения Рассел считал объяснение области *несуществующих сущностей* (типа «круглый квадрат», «золотая гора» и тому подобных) как псевдообозначающих выражений, которые реально ничего не обозначают. Преодолевались также трудности определения статуса несуществующих предметов (Пегас, Гамлет и других).

Расселовскую концепцию логики, выросшую из философии математики, отличал *крайний номинализм*. Логика отождествлялась с синтаксисом, с правилами осмысленной расстановки слов. Всякий символ, выходящий за рамки простого именованного единичного объекта, толковался как ничему в действительности не соответствующий. Иначе говоря, любое сколько-нибудь общее понятие (например, класса предметов и др.) мыслилось просто как слово, «символическая фикция», а операции над этими понятиями — как чисто словесные операции.

Статью «Об обозначении» (1905), в которой были изложены эти мысли, Рассел считал своим лучшим философским исследованием. Более полное развитие её идеи получили в теории логических типов, представленной в первом томе «Начал математики» (1910).

Анализ парадоксов. Идея логических типов

Значительное внимание в «Началах математики» было уделено анализу парадоксов логики и теории множеств. Причину недуга большая часть математиков усматривала в некорректном использовании понятия множества (трудности рассуждений об актуальной бесконечности и другие). Фреге высказал более общий диагноз: парадоксы коренятся в логике языка. Но требовалась тщательная аналитическая проработка вопроса. Эту трудную задачу и взяли на себя Рассел и Уайтхед. Изучая вопрос, они пришли к выводу: общая причина парадоксов — «порочный круг, в который вовлекают неправильно образованные всеобщности»*.

Дело в том, что создатель теории множеств Г. Кантор (а его подход воспринял и Фреге) понимал под множеством любую совокупность объектов. Это определение позволяло рассматривать в качестве элементов множества объекты любой природы, в том числе другие множества. Более того, в понимании Кантора сами множества могли быть своими собственными элементами. В связи с этим можно подразделить множества на такие, которые не содержат себя в качестве собственного элемента, и такие, которые включают себя в число своих элементов (ненормальные множества). Первые — наиболее распространенный тип множеств: племя не есть отдельный человек, созвездие не есть отдельная звезда, коллекция минералов не есть отдельный минерал и так далее. Их называют нормальными множествами. Ко второму типу множеств (их именуют ненормальными) относят каталог каталогов, список списков и тому подобные.

* Russell B., Whitehead A. N. Principia Mathematica. Vol. I–III. Cambridge, 1910–1913. Vol. I. P. 91.

Трудность в математическом рассуждении возникает, если поставить вопрос: к какому из двух типов относится множество всех нормальных множеств? Дело в том, что на него, как установил Рассел, могут быть даны два взаимоисключающих ответа. Такое множество оказывается одновременно и нормальным, поскольку оно не содержит себя в качестве своего элемента, и ненормальным, поскольку оно есть множество всех нормальных множеств и потому должно включать (в качестве нормального множества) и самого себя. Но в результате оно сразу же оказывается ненормальным. Получается логическая ловушка: если множество является нормальным, то оно оказывается ненормальным. Этот парадокс, относящийся к математическому понятию множества (к примеру, числа), легко представить и в логических терминах классов. Популярно этот парадокс иллюстрируют на примере с брадобреем. В некоем селении парикмахер бреет тех и только тех мужчин, которые не бреются сами. Должен ли он брить себя? На этот вопрос нельзя дать непротиворечивого ответа.

Иначе говоря, «небрежное обращение с понятием множества (класса), без проведения четкого различения между классом и его элементом» (Рассел), приводило к давно известным противоречиям (например, парадокс Эпименида-критянина, заявляющего, что все критяне лгут). Рассел установил, что общей чертой такого рода парадоксов является смешение уровней рассуждения (или уровней абстракции). Так, оценка высказывания Эпименида включается в тот же уровень, что и оно само (саморефлексивность высказывания), что и заводит в логический тупик. Для преодоления подобных трудностей Рассел предложил четко разграничить классы понятий по степени их общности. Это и была известная «теория типов», гласившая: «То, что включает всю совокупность чего-либо, не должно включать себя»*. Это позволило избавиться от «незаконных всеобщностей» и устранить парадоксы, возникающие, по Расселу, из-за неограниченного оперирования с понятием «все». Итак, выход из парадоксов был найден в четком разделении логических типов (категорий) и установлении языковых запретов на их смешения. Хотя позже выяснилось, что расселовская теория типов не была единственным и наилучшим способом устранения парадоксов, ее общие идеи имели важные логические и философские последствия.

Из расселовской теории следовало, что при смешении логических типов (категорий) языковых символов возникают предложения, лишенные смысла, которые нельзя охарактеризовать ни как истинные, ни как ложные. Такие ошибки приводят к логически ту-

* *Russell B. Logic and Knowledge. Essays 1901–1950. London, 1956. P. 38.*

пиковым ситуациям, предотвратить которые и призвана теория типов. Не претендуя на объяснение, а тем более изменение реальной практики употребления языка, она вносит категориальную ясность в его работу. Этот вывод повлиял на все последующее развитие аналитической философии.

Начала философии логического анализа

Итак, в конце XIX — начале XX в. развивается логический анализ, успешно применяемый в исследованиях основ математики. Задача анализа — не изучение объектов, не получение новых истин о мире (это дело науки), а уточнение, прояснение смысла слов и предложений, составляющих знание. Это достигается путем перевода, переформулирования менее ясных положений в более ясные. Рассел выдвинул развернутую теорию логического анализа как метода перевода знания на более точный язык. Учение об анализе было логической концепцией, к которой Рассел пришел через философию математики. Логический анализ был связан прежде всего с проблемами языка. «Наше исследование, — писал Рассел, — нужно начинать с проверки слов, а затем синтаксиса»*. Но в то же время считается, что прояснение языка оказывается средством более четкой информации об объектах, поскольку оно проясняет смысл, предметное содержание высказываний.

Методу анализа было дано также философское толкование и применение. Этим и было вызвано к жизни широкое течение так называемой аналитической философии. Как же происходил перевод идей логического анализа на более общий философский язык? Основной запас проблем и идей был почерпнут из новой логики — на пути определенного философского истолкования ее результатов. Первоначальная разработка основных логических понятий, послуживших отправной точкой для аналитической философии, принадлежит Расселу — созданному им логическому учению и его философской интерпретации. Продолжая исследования Пеано и Фреге в области логического анализа, Рассел не ограничился применением этого метода к математике. Он первым привлек внимание философов к символической логике, первым применил метод логического анализа к теории познания в целом и распространил его на решение философских проблем.

Логическое учение стало для Рассела базой построения более широкой философской концепции. Он сам отмечал, что логическая доктрина привела его в свою очередь к определенному виду фило-

* *Russell B. An Inquiry into Meaning and Truth. New York, 1940. P. 11.*

софии, как бы обосновывающей процесс анализа. Эту философию Рассел прямо базирует на своей логике: «Моя логика атомистична. Отсюда атомистична и моя метафизика. Поэтому я предпочитаю называть мою философию “логический атомизм”»*.

Выведение философской доктрины мира и познания из логики Рассел считал вполне правомерным. В работе «Наше знание внешнего мира» (1914) он выдвинул свой знаменитый тезис, согласно которому *логика есть сущность философии*, подтвердив его позже в работе «Логический атомизм» (1924). «Я считаю, что логика фундаментальна для философии, и школы следует характеризовать скорее по их логике, чем по их метафизике»**. Впрочем, идею логического метода построения и обоснования философии Рассел проводил и гораздо раньше, изучая на рубеже XIX–XX столетий философское наследие Лейбница. Итак, на смену представлению о философской нейтральности формальной логики Рассел выдвинул противоположный тезис об ее активной и даже основополагающей роли в философии.

Дело в том, что логические исследования Рассела, его программа перестройки математической логики с самого начала не были лишь технической, философски нейтральной задачей. На деле они сочетались с целым комплексом философских идей, традиционных для британского эмпиризма. Ведущая к парадоксам логическая нечеткость в употреблении языка тесно переплетена, по мнению Рассела, с ошибочными философскими предпосылками. Неосторожное оперирование понятием всеобщего класса Рассел связывает с мировоззренческими установками в духе платоновского *реализма*, с приписыванием некоего объективного (хотя и трансцендентального) существования абстрактным сущностям. Так, чтобы найти какой-то прообраз своим классам, Фреге вслед за Кантором ввел мир «нереальных объективных сущностей». Здесь выразилось извечное наивное стремление «реализма» найти объективный прообраз абстрактных понятий (идеалистический вариант идеи соответствия бытия и сознания). Это помешало, по мнению Рассела, ясному взгляду на понятие множества и способствовало появлению парадоксов. Так, к причинам кризиса оснований математики были отнесены, пусть и не всегда явные, элементы гипостазирования математических и логических понятий. Отсюда и программа перестройки математической логики в духе *номинализма*. Неразрывно связав свои логические изыскания с поиском новой философской основы логики, Рассел в отличие от Фреге истолковал класс как символическую фикцию, как просто сокращенное наименование некоторой

* *Russell B. Logic and Knowledge. Essays 1900–1950. London, 1956. P. 323.*

** *Ibid. P. 323.*

группы единичностей. Он поставил задачу устранить независимые абстрактные сущности и показать, что они сводимы к языковым наименованиям и их комбинациям. «Теория типов», «неполные символы», «аксиома сводимости» — все это были попытки устранить такие абстракции, которые составляют основу метафизики платоновского типа.

Определенный философский подтекст и важные философские приложения имела «теория описаний». Она дала удобный логический аппарат для перевода в более ясную форму предложений с неуточненным содержанием. С ее помощью проясняются, например, высказывания об эмпирически не обнаруживаемых объектах («автор “Уэверли”»), предложения, содержащие понятия пустого класса («современный король Франции»), утверждения о существовании или несуществовании предметов и другие. Во всех этих случаях расселовский анализ предлагает перейти от рассмотрения предметов к рассмотрению их свойств как относящихся к некоторому x . Метод дескриптивных определений сочетается при таком анализе с аппаратом квантификации, то есть с использованием количественных операторов типа «для некоторых x », «только для одного x », «по крайней мере для одного x » и так далее. Это был весьма продуктивный аппарат логического анализа, успешно применяемый для борьбы с гипотезами и для решения других задач.

Итак, специальные логические проблемы, которыми занимался Рассел, оказались тесно переплетены с философией. Взять хотя бы такую проблему, весьма заинтересовавшую логиков XX в., как уточнение понятия «*существование*», необходимое, в частности, в связи с выявившейся здесь антиномией — так называемым *парадоксом существования*. Например, положение типа «Золотая гора не существует» (или «Пегас не существует» и т. п.) таит в себе загадку. Речь идет о несуществующих предметах, которые тем не менее как-то существуют, раз мы о них говорим.

Для логического прояснения этой проблемы Рассел применил в качестве уточняющего аппарат квантификации и теории описаний. Он стремился к тому, чтобы предмет, которому приписывается несуществование, не выступал в качестве субъекта предложения. Вместо того чтобы быть обозначенным с помощью его названия, имеющего вид имени реального предмета, предмет фиксируется через описание его свойств. Иначе говоря, в качестве субъекта берется переменная (x), а прежний субъект (например, Пегас) разлагается на свойства (крылатый и конеобразный) — описания (дескриптивные определения) этого x . Тогда предметом отрицания становится уже не существование предмета, а совместимость некоторых его свойств. Иными словами, в результате анализа существование вы-

ступает уже не в качестве предиката, а как оператор значения некоторой переменной. Скажем, предложение «Золотая гора не существует» преобразуется в утверждение о ложности того, будто у какого-то предмета совмещаются признаки «золотая» и «являющаяся горой». Вместо понятий «существование» или «несуществование» вводится язык символической логики, выражающий, что некий комплексный предикат, составленный из признаков предмета, либо «заполнен» (соответствующий предмет есть, был), либо «пуст» (предмета нет, не было). Разрабатывая логический аспект проблемы существования, Рассел и его последователи (М. Шлик, Р. Карнап, А. Айер, У. Куайн) стремились найти точные способы выражения соответствующих высказываний.

В результате был сделан и целый ряд философских выводов. Важнейший из них — отрицание возможности употреблять в качестве предиката «существование вообще». Выражения «существует», «является объектом» были объявлены неполными символами, исчезающими при анализе и приобретающими смысл лишь в пропозициональных функциях в сочетании с определенными характеристиками объекта. Источник многочисленных логико-философских ошибок в этом вопросе — смешение разных уровней существования. Различение реального и идеального существования — одна из самых трудных философских задач. Сведение существования предмета к его чувственному представлению или понятию о нем, гипостазирование абстракций — все это выражение таких трудностей. Смещение реального и идеального и лежит в основе парадокса существования. Предложенные Расселом приемы анализа снимают парадокс, четко отграничивая реальное существование предметов от их логического существования. Логический анализ позволил дифференцировать различные уровни существования и этим значительно прояснить запутанную философскую проблему. Он был тесно увязан с философскими концепциями номинализма и эмпиризма и объявлен универсальным методом, имеющим философскую значимость. «Успехи в математике второй половины XIX в., — писал Рассел, — были достигнуты просто терпеливым детальным рассуждением. Я решил, что такой метод надо применить и к философским проблемам»*. При этом он склонен был считать логический анализ единственно продуктивным способом решения философских проблем. «Всякая подлинно философская проблема, — подчеркивал Рассел, — это проблема анализа»**. Так им было провозглашено аналитическое понимание предмета философии.

* Ibid. P. 324.

** *Russell B. My Philosophical Development.* London, 1959. P. 264.